

прошлым, чтобы традиция эта успела прекратиться. Значение данного факта для последующих концепций византийской истории представляется нам определяющим.

В немецкой гуманистической историографии, которая первой добилась серьезных успехов в изучении Византии, интерес к ней был связан в первую очередь со злободневностью проблемы турецкой экспансии, непосредственно угрожавшей Германии. Главным в истории Византии стали для немецких гуманистов причины ее падения. Понятно, что в таких условиях Византия, даже если ее судьбе сочувствовали, выступала отрицательным примером. В Германии XVI в. идея борьбы против турок была связана с идеей религиозно-политического замирения страны⁴³. Гуманисты первой половины XVI в. часто ссылались на печальный опыт Византии, объясняя ее гибель усобицами знати и схизмой, лишившей константинопольскую империю поддержки католических государств⁴⁴. С начала деятельности Иеронима Вольфа и его коллег это мнение получило опору в сочинениях поздневизантийских историков, особенно Лаоника Халкондила, широко известного в Западной Европе XVI—XVII вв.⁴⁵

Основное содержание его «Истории» — раздоры византийских магнатов, причем Халкондил неоднократно отмечает, что эти раздоры облегчили туркам их завоевания⁴⁶. О том, как воспринимали Халкондила в XVI в., можно судить по предисловию Конрада Клаузера к его изданию латинского перевода «Истории». Это — небольшой трактат на тему, каким образом можно изгнать турок из Европы. Единственным средством Клаузеру представляется объединение Германии, пораженное «наихудшей и гибельнейшей заразой» раздора, государство так же бессильно, как больное тело. Сочинение Халкондила, по мнению Клаузера, показывает, что возвеличение турок произошло «вследствие их взаимного согласия», а «гибель высочайшего греческого царства» была подготовлена «раздорами царей и князей и религиозными разногласиями»⁴⁷. Помимо гражданских распрей и религиозного раскола, на Византию проецируется и такой порок общественного строя Германии, как недисциплинированность армии (*corrupta disciplina militaris graecorum*). Следовательно, не будучи настроены прямо враждебно в отношении Византии (Клаузер особо оговаривает, что не имеет в виду враждебных действий против христианских подданных Порты), немецкие гуманисты были далеки от ее идеализации. Главной чертой их взглядов на греческую империю было представление об отсутствии внутреннего единства как причине ее гибели. Последнее понималось как раздоры греческих князей и как религиозное разномыслие, причем, характерно, что второй момент еще не стал ведущим.

Сочинения немецких византинистов были хорошо известны французским историкам и публицистам. Латинский текст Корпуса Вольфа, например, в 1567 г. был перепечатан в Париже, всего несколько лет спустя после его первоначальной публикации. Неудивительно, что в сочинениях французских гуманистов эпохи религиозных войн встречаются прямые отзвуки рассмотренных представлений.

⁴³ Fischer-Galati St. A. Ottoman imperialism and german protestantism. Cambridge, 1959.

⁴⁴ Cuspinianus J. De turcorum origine, religione, ac immanissima eorum in christianos tyrannide, deque viis per quas christiani principes turcos profligare et invadere facile possent. Antverpiae, 1541, p. 15, 20, 10. Другие примеры см.: *Djuvara T.-G.* Op. cit., p. 68—70; см. также: *Васильевский В. Г.* Обзорение трудов по византийской истории. СПб., 1890, вып. 1, с. 19.

⁴⁵ Перечень его изданий см.: *Rouillard C. G.* Op. cit., p. 76, n. 2.

⁴⁶ Вот одно из наиболее характерных высказываний Халкондила — фраза по поводу раздоров в Пелопоннесе накануне прихода турок: Οἱ μὲν Ἑλληγες οὕτω ἐν οὐδενὶ λόγῳ ὑπὸ σφῶν αὐτῶν ἐπιτριβόμενοι κατὰ βραχὺ ἀπώλοντο. См.: *Chalcondyla* / Ed. I. Bekker, p. 414; см. также: *Ibid.*, p. 17.

⁴⁷ *Chalcondyla* / Ed. Clauserus. Praefatio. Подробнее см.: *Pertusi A.* Storiografia umanistica e mondo bizantino. Palermo, 1967, p. 48.